

НОВЫЙ ЛИДЕР ДЛЯ СТАРОЙ ПАРТИИ

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

1.

Большая часть российской политики формируется необсуждаемыми ее параметрами. Например, это — лидерская политика. Российский политический спектр десятилетиями исчерпывается отношением к главному лицу. Зато и должностная правомочность лидера целиком зависит от его лидерских свойств, вынуждая к тяжелой борьбе за их подтверждение. Судьба государственных институтов нередко была ценой в этой борьбе за лидерство.

Путин довел свое лидерство до совершенства. В его оболочке сложился средний класс с устойчивым «путинским» большинством, развилась лексика, созвездие коммуникативных культур. И все это новый президент Медведев неизбежно заставлял в качестве предложенных ему обстоятельств. Сама фигура нового президента, предложенного старым, принесла лидерству Путина добавочный триумф — без чего тот не оказался бы третьим в мировом рейтинге Форбса (влиятельных лидеров). Сохранялось ли еще место для собственного лидерства Медведева? Но закон

властной модели в России неизменен — должность президента остается работоспособной только в пределах его личного лидерства.

2.

Российская модель завоевания лидерства диктовала новому лидеру создание параллельных коммуникаций, в обход своей администрации а то и за спиной у своей команды. Того же ждали и от нового президента. (Собственно, отсюда все идеи «раскола в тандеме» и «строительство вертикали-2»). Проблема однако была не в его лояльности Путину и не в силе последнего, а в основаниях его силы. Лидерство Путина тесно сращено с институтами «молодой нации», те росли заодно с его большинством; это большинство превратилось в национальный консенсус — деперсонализация большинства представляла рискованную проблему.

В этой системе партия «Единая Россия» стала важным звеном. Но и самым проблемным. Активность партии в течение десяти лет была направлена на на страну, а на Путина и обеспечение его лидерства. Это сделало «медведей» законченными политическими «интровертами». Система аксессуаров лидерства стала аутичной, персонализированной и страшно громоздкой. Сам Путин не всегда мог с ней управиться, система засорилась и загноилась. Медведеву, казалось, придется найти себе другую опору — либо арендовать ее внутри тандема с Путиным.

Тандем скреплял старое лидерское поле с новым, сохраняя его от развала или конфликта. Но он не мог стать оболочкой нового лидерства. Дилемма выглядела безвыходной для Медведева —

либо риск вторжения в организм новой России ради его любовной деперсонализации — либо президентство без лидерства, президентство «в аренду», с легитимностью, соразмерно тающей по законам модели (между прочим, не обязательно — в пользу Путина!). Но Дмитрий Медведев кажется нащупал путь к лидерству, удивительно странный. Он апеллирует к **ценностям системы, созданной Путиным**, к ее пафосу и первоначальному духу — освободительному и национальному. Когда президент говорит о «ненасильственной модернизации», он фактически возвращается к первоначальному пафосу команды-1999, к ценностям основаниям ее работ. В том числе и собственного труда в составе «команды путинской славы».

3.

Десять лет тому назад, **24 ноября 1999 года** прийдя на коллегию МЧС, одним только дружественным жестом в адрес Сергея Шойгу Владимир Путин сотворил из ничего — из арьергардного избирательного блока «Единства» — партию Путина. Год спустя партия приобрела организационную форму и имя «Единой России». Ряд выборов превратил ее в партию власти. На 11 съезде отбросив настороженность в отношении «партии чиновников», Медведев признал партию **силой модернизации** и выступил с рядом прямых указаний ей, **как собственной силе**. Это — перелом в его политике лидерства. Президент не заискивал; он говорил со съездом повелительно, в императиве. Перед ним были люди, которые вместе с ним взяли власть и чаще других видели ее раздетой. Им он не лгая сказал так — «*Государство, то есть мы с вами*».

Продолжение на стр. 11

Такая модель может существовать только в системе. Важно, чтобы эта система была политической властью, а не властью субъекта корпоративных интересов. В последнем случае любой формат «тандема» будет фикцией: если мы хотим дополнить одно колесо велосипеда вторым, то спорить о его форме, предлагая квадрат или треугольник, не стоит. Оно должно быть круглым. Государство должно осуществлять политическую власть. Политическая система предполагает правовое согласование интересов множества свободных субъектов. В таком случае **«жесткая сила» — это один из технических инструментов, который не обязательно символически демонстрировать: он просто должен работать в необходимом формате.** Сама же система может быть разной: ее тип вырастает из политической культуры своего времени.

Модель «ученого-интеллекта у власти» предполагает, пожалуй, особую дистрибуцию высших властных функций. Чтобы стать вершиной пирамиды свободной политической активности общества, она должна (в России, во всяком случае) дополняться институтами, обеспечивающими необходимую степень стабильности, солидарности и преемственности. Естественным духовным институтом такого рода может быть церковь (совет конфессий). Подобный светский институт представить труднее. Возможно, им могла бы стать монархия.

РЖ *Обусловлено ли появление президента-интеллекта по главе России фактором политического влияния Запада, воздействия европейской политической культуры?*

Сегодня уже можно говорить об общемировой доминирующей модели правового государства. Генетически она — европейская, но логических альтернатив ей нет. А образ «президента-интеллекта», при его мировой востребованности, вырастает из национальной культуры, и в этом его сила.

Образом такого типа лидера является Томаш Гарриг Масарик, профессиональный философ, который сумел уберечь Чехословакию в 1918–1935 годах от всех опасностей молодой постимперской демократии. Возможно, ему удалось это сделать еще и потому, что он вобрал в себя сложный духовный опыт своей нации. Таким же лидером в России начала XX столетия мог стать князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый свободно избранный ректор Московского университета, быстро занявший в общественном сознании место «ученого-интеллекта у власти». Эти люди были европейцами, но в «европейство» они принесли культурную альтернативу, вскормленную национальной почвой. Эта формула важна именно сейчас, когда в планетарном масштабе происходит смена лидеров. Так уж устроена эпоха Нового времени, что смена лидерства происходит редко и надолго, а цена проигрыша весьма высока. У России именно в силу ее альтернативного опыта еще есть шанс войти в доминантное сообщество, хотя многое уже упущено. ■

Беседовала Любовь Ульянова

НОВЫЙ ЛИДЕР ДЛЯ СТАРОЙ ПАРТИИ

Глеб Павловский

Окончание. Начало на стр. 2

Медведев говорил от имени тандема — и как ни ждали в кулуарах иные, никто на съезде не рискнул выйти с «альтернативной» президенту стратегией. Медведев формулировал политически стратегические задачи, и диктовал их партии в императивном наклонении. Повестка Медведева на уровне государственного руководства стала **безальтернативной.** По правилам А. Грамши и русской политики, именно безальтернативная agenda сулит гегемонию; все силы в стране вынуждены будут ее признать. Включая правящую партию. Медведев говорит про беспартийных, что у них есть **право** требовать внимания от партии власти. Но самой партии он говорит — вы **должны!** *«Представители партии должны принять самое активное участие в социально значимых для нас проектах.. Государственная машина должна быть перенацелена на поиск талантливых и поощрение современных людей...»*

4.

Медведев, яснее некуда обозначил конец прежней эпохи, эпохи героической (и как всякая героика крайне неряшливой) — и начало новой. *«В течение первых лет нового века мы укрепляли и упорядочивали институты нашего демократического государства. И это нам удалось. В этом году вместе принимали важные решения, направленные на модернизацию политической системы нашей страны..»* Желанная Медведевым «лидирующая Россия» неизбежно требует **признания реальной России — отсталой.** Этого же признания президент требует от партии. Это им, путинским триумфалистам, знавшим сладость борьбы и победы, он диктует определение старта нового времени — отсталость! *«Отсталое сырьевое хозяйство, которое в современном смысле слова экономикой назвать можно лишь условно»*

Медведев превратил тандем в публичный политический институт. Это привело к тому, что атмосфера догадок и инсинуаций стала расчищаться. Правящий тандем Дмитрия Медведева и Владимира Путина выступил **коллективным лидером** правящей партии. За Медведевым на съезде осталось последнее — стратегическое слово. *«...Нужно модернизировать партию, сделать её более гибкой, более открытой, нужно научиться побеждать...всем нам, кстати, нужно научиться побеждать, в открытой борьбе».* Путин уступил президенту Медведеву свое — первое место на съезде созданной им некогда национальной силы. Если была у 11 съезда «Единой России» интрига, то вот она: Медведев пришел на съезд гостем, а ушел с него **лидером партии Путина.**

Медведев объявил, что сила тандема — сила ценностей; и ценности кладутся им в основу его личного мандата. Кризис и победа в нежданной войне подсказали ему выбор жанра нового лидерства — это **конфликт.** Медведев лидер именем созидательного конфликта, внутренней войны за новую Россию. И ему не надо оглядываться назад — Путин и партия большинства у него за спиной. ■